

Сергей
Орловцов

СТЕПАНА КЕРТ-

Чапа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Николаевич Огольцов

Степанакерт-Сага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42348220

SelfPub; 2022

Аннотация

(Для оформления обложки использованы работы фотографа Кнар Бабаян) "Степанакерт-Сага" сложена из 2-х частей: 1) первая – "ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЛЕТО '98-го" – состоит из серии очерков, которые (почти все) были опубликованы в печатных органах Нагорного Карабаха в одноименное лето, когда всяк дрыгался во что горазд, борясь за выживание в послевоенном пространстве. 2) события представленные во второй части – "За городской чертой" – разворачиваются (почти все) вне Степанакерта, и несколько позднее.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Провинциальное Лето 98-го	4
Часть первая:	5
Студенчество Сегодня: Цели и Взгляды	10
Семейный Портрет в Интерьере из Рыночных Отношений	19
(1) Гении Живящей Чистоты	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Огольцов Степанакерт-Сага

Провинциальное Лето 98-го

Часть первая: **Публичные Изъявления** **Неиссякаемой Признательности**

Кое-что о катаклизмах (*типа предисловия*)

Четвертый фараон семнадцатой династии Ахулидзалупон Пти-Пси, владыка Верхнего и Нижнего Египтов, и прочая, и прочая—поддавшись на ухищренные мудрствования месопотамских магов—сколебнулся, веру предков своих отринул и втайне согласился, что всё во Вселенной сущее пребывает в неперменной (не всегда ведомой) взаимопересоплетённости и лучше не соваться в естественный ход развития, дабы не повлечь цепь событий нежданных и при том, возможно, ужаснейших...

Жена ж его, царица Нафталинти, чхала с самой высокой пирамиды на догмы умудрённой умозрительности и когда любимейший из ее котов (бездонная глубь веков имя животины поглотила, однако хвост имел преупругий) занемог, то не стала она дожидаться пока тот сдохнет естественным ходом, но

оставила гримасу тайного негодования на лице фараона без внимания и призвала жрецов-врачевателей, каковые консилиумно и корпоративно предписали промыть коту кишечник через прямой проход.

Наутро Ахулидзалупон Пти-Пси влетел в покои Нафталинти, потряс перед нею листом папируса бессвязно рассылавшим запах свежей типографской краски и проголосил:

– Добилась?! Вот те и коту клизма! А Атлантида-то—тю-тю... Утопла к халдеям собачьим! Мать твою блин!

Поделка эта (типа эпитафия к вроде как бы предисловию) сложилась в 89-м году, после природного катаклизма – Большого Армянского землетрясения, незадолго до катаклизма политического – карабахской войны.

Впрочем, на карабахских дорогах уже вовсю разворачивалась "каменная война": метание камней по проходящим машинам и автобусам.

Следом пожаловали 4 года войны современной, на уровне нынешней цивилизации – с артиллерийским, ракетными, авиационными бомбардировками.

Мир почти не заметил этой войны, шума в нём и без неё хватало – трещала по швам и (в очередной раз) перековывалась в новые формы Российская Империя.

В общем, мировая общественность так до конца и не разобралась: кто же они такие—карабахцы? Некоторые говорят,

что это коренное население данного региона.

Не стану спорить, а просто представлю ещё одно определение: карабахцы – корневой народ данной планеты.

Как понять?

На взгорке у въезда в Степанакерт высится композиция скульптора Саркиса Багдасаряна: две рядом стоящие скалы, одна – в виде головы бородатого лысого мужика, другая – повязанной платком женщины. Народ прозвал это творение "Дедо-Бабо", официальное же его наименование "Мы и наши горы".

Однако при переводе с армянского упущено слово "есть", следовало бы так: "Мы и есть наши горы".

Древние горы. Древний народ. Приходили сюда завоеватели, устанавливали свои владычества. Насаждали вероисповедания. Тысячелетиями сменяли друг друга владыки, империи, веры...

А после всего этого водитель КРАЗА Гурген, мой сосед по Степанакерту, знакомя со своей родной деревней, показал на склон противоположной горы (их тут *тумбами* называют) и сказал:

– В каменном веке наша деревня вон там была, а теперь тут живем.

Это не было похвальбой, просто деловая информация. Но какой самый старинный аристократический род укажет родовое гнездо сопоставимой древности?

Здесь корни человечества. Живые корни.

И в этом, пожалуй, разгадка тому, как 80-тысячный народ выстоял против державы с населением в 7 миллионов. Человечество, не разумом, а чем-то ещё, прочувствовало – нельзя вырывать корни, свои же собственные корни.

А в общем, карабахцы—люди, как все. Значит можно их любить, или на них сердиться, или писать о них же.

Предвижу упрек: взялся писать про карабахцев, а вон сколько про себя да про своё.

Но, во-1-х, я карабахец не с прошлого года. А во-2-х, не важно о чём, а важно как. Стиль изложения у меня исконно карабахский, его перенял я работая переводчиком в местной газете.

Передовицы Максима Ованисяна научили меня, что читателю бывает по душе, чтоб его интимно приобняли за плечо и доверительно, по-свойски так, молвили б: "Браток, да мы ж с тобой..." Очерки Сусан Атанесян показали до чего оживают строки, коли подать в них чёткую бытовую деталь. А задумчивые статьи Наиры Айрумян привили вкус к философической созерцательности.

Пройдя такую школу, грех было бы не сложить памятник карабахскому стилю, чем и является данная композиция с длинновато-конкретным названием "Провинциальное лето 98-го", составленная из данного типа предисловия, двух типа введений и семи очерков сработанных в лето обозначенного года.

Ну, и довольно объяснений – моё дело сделано: *ляв кац*¹,
дружище читатель!

1998\11\02

---

¹ *Ляв кац*, на карабахском армянском – “1) будь здоров! 2) не балуй!”.

Студенчество Сегодня: Цели и Взгляды (типа введения)

Пространство и время – дело тонкое, а уж тем более на Востоке. Они порой в такие тут гордиевы узлы сплетаются, уж до того ж извивисто здесь лабиринтятся, что и с комапасом не различишь вход от выхода.

Пространство, что ни день, фамилию меняет: то буферное оно, то жизненное, то автохтонно-этническое. У времени свои фокусы: козлёнком резвеньким скачет, туда-сюда-обратно, из часового пояса гео-физического расположения в область экономической целесообразности, но в тот же миг, даже и не мекнув – скок! – в учёт политических реалий региона.

Ох, непросто местному руководству сделать выбор: на чьё летнее время выгоднее переключаться – ереванское или московское?

При подобных раскладах этих тонких материй ухо надо держать востро; в чехарде такой неизвестно где и окажешься, войдя в какую-нибудь из дверей – может в комнату какую-то угодишь, а может и в пустыню, лишь бы не в жерло действующего вулкана...

Однако же, на этот раз вроде бы пронесло и, одолевая последние метры пропыленного, пронизанного аравийским зноем пространства, наступаешь на дребезжащую железом приспособу для оскребания подошв, восходишь на три ступени к распахнутым настежь дверям и, миновав остеклённость входного шлюза-отстойника, окунаешься в пленительную прохладу и освежающий полусумрак в стиле королевских дворов эпохи Реформации; глаз—все ещё оглушенный слепящим сверканием оставшегося на улице светила—сразу и не разберёт: испанский ли это Эскуриал или Лувр в Париже.

Под сенью мглистых сводов неспешно журчит дворцовая жизнь. Придворные красавицы плетут свои интриги меж массивных квадратных колонн, сплотясь в говорливые группки, безошибочными взглядами оценивая узорчатые туалеты подруг-соперниц: все, что для прихоти обильной подвозят торговые караваны из Ирана и прочих полдневных стран.

Ах, что за чудо необъяснимое эти наряды! Это ж умудриться надо – одеться так, чтоб всё оказывалось на виду, впечатляя безутайным облеганием пышных форм и прозрачной драпировкой плавных линий.

А от роскошностей всех парфюмерных ароматов и сладостных благоуханий нос мгновенно впадает в восторг и экзальтацию, вот-вот с ума сойдёт, с него станется.

Да окажись тут Николай Васильевич Гоголь, в этом цвет-

нике, в этой немыслимой помеси розария с колумбарием, то захлебнулся б классик собственной слюной, а если бы так случайно удалось откачать беднягу искусственным дыханием рот-в-рот, то он—не сходя с места—тут же б спалил и первую часть "Мертвых душ", а вместо них принялся б строить продолжение к "Коляске"; как минимум в трёх томах.

По каменным плитам зала браво прохаживаются военные (но без шпаг – Ришелье запретил дуэли). Не менее бравая, хоть и не облагороженная воинской униформой, придворная молодежь мужеска пола старательно их не замечают, хотя порой и братаются для составления проектов предстоящих пирушек. Военная косточка – сердцевина всякой веселой компании, рискованных предприятий да и просто дворцовых переворотов.

Стоит невнятный, но такой неумолчный и слитный гул из пощёлкивания каблуков, поскрипывания ремешков, подмигивания ресниц, поигрывания мускулов, позвякивания бижутерии, приманчивых хиханек, увильчивых хаханек, эксклюзивных брифингов—"...ой, да что ты такое... а он тогда... ну а ты?.."—что начинаешь мало-помалу выходить из себя: Мадрид это, в конце концов, или, черт побери, Париж или в какую другую угодил, прости Господи, Вену?

И воздеваешь взгляд горе, повыше парадной лестницы с витражами, пока не упрёшься взором в зеленоватое мерцание цифр в черном ящике электронных часов на потолочной балке.

И сразу же отлегает – всё в порядке: никаких Мадридов с Венами, ты там где надо – в Арцахском государственном университете, а все эти красоты и бравости – обучающаяся в нём молодежь.

А нас-то зачем сюда, сударь, занесло?

Ну всяк по своей надобности, а у меня на этот раз чёткое задание главного редактора газеты "НК Республика" – разобраться и доложить:

– в чем цель студенческой молодежи сегодня и, плюс к тому,

– каков их взгляд на своё настоящее и будущее.

На втором этаже от вестибюльной прохлады не остается и воспоминания.

На втором этаже во всех классных комнатах день открытых дверей и распахнутых окон. Но разленившийся на жару воздух не слишком-то пошевеливается. Висит (подлец!) – дожидается, чтоб его колыхали веерами из листков бумаги.

Двери – настежь, окна – настежь, а сквозняков и в помине нет. Можно смело ходить по коридорам и через дверные проемы изучать взгляды студенчества.

Картины в аудиториях, примерно, одинаковы.

За ближним к входу столом, спиной к нетронутой настенной доске, истомлённый жарой преподаватель. Перед ним, передом к той же бездельной доске, прореженная горсть студентов, со взглядами опёртыми на различные точки про-

странства.

Лишь самый ближний студент, севший как раз напротив, преданно держит взор устремлённым в лицо наставнику. (Сессия на носу, надо заложить в экзаменатора положительные к себе эмоции.)

Однако, в верноподданном взгляде чувствуется некая остекленелость. Даже он сейчас явно не здесь, он засмотрелся в будущее...

Ну разумеется, цель современного студенчества та же, что и во все времена – закончить университет. Однако нынче надо быть поосторожней в выражениях. Если добавишь, что цель их получить образование – преподаватели подымут тебя на смех.

Какое там образование, какие знания! Они заявилися купить диплом. Обменять бумажки на бумажку. Смотрят на университет как на ярмарку невест, где сходятся пощеголять нарядами (а кто откажется?) да приискать себе кого-нибудь (это не про меня!).

В общем типа вроде как зашли в магазин, купили коробку конфет, конфеты высыпали б и унесли с собой пустую картонную коробку.

Декан N-ского факультета решительно опровергает право студентов полагать, будто они тут только затем, чтоб купить диплом, но в частном порядке признаёт, что так оно и есть на самом деле.

Впрочем, это взгляд со стороны, а как смотрит само студенчество на свое настоящее?

А смотрит оно с горечью разочарования. Сколько сил затрачено было в школе на факультативы, на занятия с репетиторами. Какое бурное было кипение страстей и чувств: только бы поступить! О, как я начну учиться!

Сбылась мечта...

В первый месяц накопил студент тетрадок, ходил на лекции, записывал чего-то, в библиотеку заглянул раз-другой.

А потом пошёл процесс утраты иллюзий. Лекторы бормочут не понять чего, либо то же самое, что и без него есть в учебниках. А вся наука очень уж смахивает на подготовку школьного утренника: заучи стишок, расскажи на экзамене – получишь оценку.

И это человеку семнадцати лет! Который готов весь мир перевернуть и осчастливить, и именно с такой целью поступал в университет: взойти на сверкающие вершины знаний, получить ключи и доступ к тайнам и пультам управления взрослого мира.

Это ему-то участвовать в детсадовских монтажах? Слушать нудный бубнёж лектора?... Четыре года?! За что?!

Разочарованию, как и всякому чувству, требуется выход.

Госпожа А. А. Бадалова, небезызвестная фигура на ниве местного просвещения по части психологических наук, побывала в регионах ставших с некоторых пор зарубежными и вернулась с вестью, что и для тамошних преподавателей

главная проблема — наплевательское отношение студентов к учебе, переходящее, по свидетельству всё тех же зарубежных педагогов, в жуткие эксцессы.

В этом отношении у нас тишь и благодать. По-видимому, сказывается провинциальная крепость патриархальных устоев. Наша молодежь умеет держать себя под контролем.

Ну конечно, случается иногда, не без того...

Вон портрету Чернышевского начиркали мелом пиратскую повязку на глаз, но потом, для компенсации, тем же мелом намалевали орден на грудь, чтоб не слишком уж обижался.

Максиму Горькому сунули сигаретный окурок в рот. Он-то, бывало, все больше "Беломор" смолил, так пускай "кэмель" старик побалуется.

Ну какой в этом вандализм? Так — невинные шуточки недорослей.

Но в хохмах этих явно просматривается взгляд студентов на своё настоящее: они им недовольны, они его не принимают таким, как оно есть. И протестуют в такой вот недозрелой форме.

А что если, раз уж студент теперь платит за обучение, он не просто студент, но ещё и клиент впридачу? А может впрямь—как подметило дальнее зарубежье, раньше нас ступившее на путь таких вот отношений—клиент всегда прав? И даже когда сыплет на пол мои конфеты, то мне остается лишь почтительно подкидывать и улыбаться счастливой

улыбкой.

Что делать?

У Чернышевского бесполезно спрашивать, вон он там набурмосился под своей кутузовской повязкой, и орден суворовский его не умаслил. И автор "Моих университетов" тоже за них—"кэмелом" подкупленный.

Отчаявшись обращаюсь напрямую к самим студентам:

— А чего вам вообще тут надо?

И получаю конкретный и на удивление зрелый ответ:

— Умного преподавателя, который научит нас нашей будущей профессии.

Вот тебе и вандалы!..

(Милые вы мои! Да где я вам сыщу такого за пятнадцать тысяч драм в месяц?)

— Норик, ну а что лично вам дал университет за два года учебы?

Норик вальяжно откидывается назад, до упора спиной в последующий стол, томно запрокидывает локти кверху и сплетает пальцы рук на затылке.

— Я здесь познал женщину,— скромно сообщает он.

Эх, молодо-зелено! Эх, *sancta simplicitas*! Эх, наивная самоуверенность юности. Эх!. Да на познание такого предмета всей жизни не хватит...

Впрочем, это уже другая тема...

Мне же остается лишь провентилировать насчёт их взгля-

да на своё будущее.

О, тут полный порядок! Юность полна оптимизма.

Пройдет ещё пара лет, они выкупят свой диплом и тогда перевернут и осчастливят весь этот мир.

Так что у мира, и у меня в том числе, в запасе ещё два года.

Хотя очень уж скользкая это штука – время. А тем паче на непостижимом Востоке, где созревание происходит почти мгновенно, да ещё когда скачет оно, понимаешь, туда-сюда-обратно.

А ну как, эти два года обернутся парой месяцев? Что тогда?

Разочарование взрослого несколько иначе проявляется, чем у недоросля... И когда они усмотрят, что получили пустые фантики без начинки, то не хотел бы я оказаться в непосредственно близком от них пространстве.

Не подскажите, где здесь вход на выход, пожалуйста?.

Семейный Портрет в Интерьере из Рыночных Отношений (*типа опять введения*)

присказка:

В некотором крайне далеком от нас государстве (прошу
непрестанно держать в уме данное обстоятельство – дело бы-
ло за тридевять земель) демократия распустилась ну до то-
го уж махровым цветом, что власти усмотрели возможным
снять всякий надзор за средствами массовой информации.
Руководителям этих самых средств было спущено таковое,
примерно,

разъяснение:

Мол, вы, други милые, не дети малые, сами должны пони-
мать насколько сложная у нас ситуация и в чём состоят ин-
тересы государства, каковые блюсти надобно ношно и денно.

Так что давайте-ка, разлюбезные, переходить на самоцен-
зуру. Запретных тем у нас нет, но вы не дети малые и ...
(снова см. начало данного разъяснения).

Вот таким макаром у властей крайне далекого государства
стало одной заботой меньше. Потому что (и это следует тут
отметить) у людей занятых в сфере средств массовой инфор-
мации весьма развитое воображение: начитались, наслуша-
лись, нахватались, начерпались.

А у развитого воображения глаза велики: застращать самого себя – что два пальца обсосать.

– Ой, а вдруг меня за такое потащат в застенки губЧеКа?

– Или сошлют в 37-й год без права переписки?

– Или на плаху с Емелькой Пугачевым?

И, исходя из всех этих соображений, органы информации самостерилизовались до такой умиляющей степени, о которой власти и мечтать не могли в старые добрые до-демократические времена.

Ведь интересы государства штука очень и очень растяжимая, как и само понятие "государство"; порой не сразу и сориентируешься на что они натянуты в текущий момент.

Один француз... (да нет, это не про того графа, что изобрел ту растяжимую штуку; это про другого, который королём был).

В общем, звали его Людовик под инвентарным номером четырнадцать.

Так этот самый Луи соизволил однажды спустить такое разъяснение:

– Государство, – сказал № 14, – это – я.

Но так это ж когда было! С той поры столько воды утекло – пойдй угадай: какие теперь в ходу размеры.

Что если очередной номер додумается, что государство – его левая пятка?

Тут надо быть сверхъосмотрительным, чтоб ничью мозоль не зацепить: а вдруг да окажется государственная, а мы ж не

дети малые, нас можно покарать и вдоль и поперек...

Ну а когда на деятеля средств массовой информации накатывало вдруг вдохновение и неожиданно выражалась (вылуплялась, в смысле)какая-нибудь поэтическая, скажем, строка в таком, например, стиле: “Какое небо голубое!”, то самоцензурный элемент в его сознании бдительно всплашивался и призывал к порядку:

— Это на что ты тут такое намекаешь? Небо-то, оно наверху. А верхи, значит — руководство. Так ты, стало быть, имеешь ввиду, что все наши правители педерасты?

И в ключья рвалось злосчастное недовырожденное творение... Ну его к лешему, а то ещё, чего доброго, сам окажешься на крайнем севере родного региона, где козам рога распрямляют.

Но повторяю, всё это имело место в некоторой очень и очень далёкой отсюда стране, и если кому-то взбредёт на ум усомниться, или же параллели проводить какие-то странные, неоправданные, то подобная линия идёт вразрез с интересами... ну сами знаете, не дети малые. У самих, небось, уже дети есть, м-да...

Когда давнишний мой благодетель, Максим Ервандович Ованисян—ради блага детей моих—согласился дать мне работу, он прекрасно сознавал с кем связывается.

Первая же проба пера (статья про студенчество и их взгляды) не обманула его опасений.

– Желчно пишешь. Сарказма много. Зачем?

Моих путаных пояснений, что не я пишу, а через меня пишется; что пишет ручка, которую я держу, и пишут мною, не знаю кто, чтоб выписалось вдохнутое Красное Слово, он и дослушивать не стал, отмёл как пустые метафизические бредни.

Чуть посверлил меня посверкивающими бликами своих очков и сделал блестящий, по своей виртуозности, ход:

– Тогда, вот такая тебе тема. Напиши как ты живёшь на свою учительскую зарплату. Скажем, послала тебя тёща на базар и с чем ты оттуда вернулся.

Ох, искушен. Ох, умудрен многоопытный Максим Ервандович! И ход его прост, как все гениальное, и гениален, как все простое.

Вот тебе тема – ты и рыночные отношения. Теперь – валяй! – либо выбрызгивай свою желчь на рыночные отношения (на которые уже столько всякого натрухано, что от пары лишних плевков им ни тепло, ни холодно), либо, для разнообразия, можешь посарказничать в свой личный адрес. Короче, любезный, тема тебе дана, иди и раскрывай в меру своего таланта, хе-хе, или кофейком тебя угостить на дорожку?

От кофе—по закону жанра—пришлось отказаться.

Ну а коли уж пошел такой ва-банк, слушайте... а вернее – смотрите. Раскрываться, так раскрываться! Вот он – обещанный...

Семейный портрет в интерьере из рыночных отношений:

ФИО и возраст:

Профессия и стаж:

Огольцов Сергей Николаевич,
44 года

слесарь (2 года),
каменщик (9 лет),
шахтёр (0.4 года),
прессовщик (1 год),
аналитик-переводчик (3 года),
учитель английского (8 лет)

Месячный заработок: 15 тыс. драм в АргУ + 15 тыс. драм в СГУ

Цатурян Сатэник Александровна,
34 года

учительница физики и труда (12 лет)

Месячный заработок: 10 тыс. драм в школе № 8

Багдасарян Рузанна Артуровна,
15 лет

ученица десятого класса

Месячный заработок: 00.00 тыс. драм

Огольцов Ашот Сергеевич,
8 лет

ученик четвертого класса

Месячный заработок: 00.00 тыс. драм

Огольцова Эмма Сергеевна,
3 года

независимая
естествоиспытательница и
исследовательница окружающего
мира

Месячный заработок: 00.00 тыс. драм

Ованисян Эмма Аршаковна,
72 года

пенсионерка

Месячная пенсия: 8 тыс. драм (вместе с надбавкой за инвалидность)

Имеются также:

- самодельный дом с некоторыми удобствами;
- 6 соток земельного участка на здорово пересеченной местности;
- петух (один);
- куры (две) – подарок одной из своячениц.

В общем, на рынок тёща меня не посылает, все финансы в руках её дочери – Сатэник.

Зарплату из двух университетов я ставлю на стеклянную полку в серванте (подарок другой свояченицы), а если случается опаздывать на работу, Сатэник выдаёт мне 30 драм для маршрутки.

Приятно, наверно, постоянно чувствовать в своем кармане тугую пачку крупными купюрами. Не знаю, не приходилось. Но не в деньгах счастье. И не в золоте.

Главная на свете драгоценность – янтарь. "Сатэник", в переводе с армянского, обозначает "янтарчик".

О, какая это женщина! Какая женщина!

Одна поэтическая особа (шесть сборников стихов за спиной) беспомощно развела руками и сказала, что во всех словарях не набрать достаточно эпитетов, чтоб передать какая Сатэник роскошная и восхитительная, и обольстительная и... опять развела руками.

Ну это всё я и без словарей вижу, чувствую и говорю.

А Сатэник отвечает, что это низкая подлость – взвалить всю ответственность на неё. Принес свои несчастные трид-

цать тысяч – и горя мне мало, а ей потом выкраивать да плакать, что у детей этого нет, того нет; и на хлеб занимать приходится, а потом самой же в очередях выстаивать. А слова такие я ей говорю только затем, чтоб она меня в магазин не посылала.

И это правда. Зимой мне почти не пришлось торчать в многочасовых очередях под хлебным магазином: ходила она с Рузанной, а я отсиживался в тепле да писал тексты лекций, которые студенты всё равно прогуляют.

Впрочем, такие отповеди слышу от нее только под конец месяца, когда зарплата кончилась, а в долг, у кого можно было взять, взяли.

Да, весь фокус в том, чтоб пережить конец месяца, а в остальные недели... О, какая она женщина! Заявляю со всей ответственностью сорокачетырёхлетнего опыта.

Туже всего приходится, когда она наслушается заумных речей из телевизора: про экономику, корзину потребителя и прочее такое. Тогда она берёт карандаш и начинает вычислять наш семейный бюджет.

После этих расчетов я пару дней хожу в негодах, способных только детей плодить, а не кормить их.

Но всё равно люблю я её. Потому что ж—О!—какая женщина! (Когда не думает про бюджет.)

А телевизор я не люблю, хотя и зла ему не желаю – чем нормальней он будет показывать, тем больше зрения у детей сохраниться. Удивляюсь, как они там какие-то ещё мульти-

ки различают, между всех тех смутных пятен и полос дырыдырамных.

Ну а бюджет – что? В нём же всего не учёшь. Иногда и шальной перевод подворачивается, или свояченицы какой-нибудь продукт передадут.

Расходы на свое личное содержание у меня сведены к минимуму. С декабря 91-го я перешёл на вегетарианскую диету и безалкогольный образ жизни. На аптеки тоже не трачусь— два раза в день повторяю комплекс из четырнадцати с половиной оздоровительных упражнений по системе йогов.

Хотя, что четырнадцать с половиной это, пожалуй, громко сказано: из того половинного упражнения у меня едва ли и треть получается.

От бритья бюджету тоже никакого урона: не бреюсь вовсе – бороду запустил.

Когда приходится совсем туго, Сатэник плачет и говорит, что во всём борода моя проклятушая виновата – отпугивает потенциальных учеников английского и нет у меня из-за неё никаких абитуриентов желающих готовиться к вступительным. Но они ж не дураки, платить тому, кого в экзаменационной комиссии и близко не будет.

Иногда она хватается за ножницы и отчикивает от моей бороды сколько ухватит. Я не слишком-то и сопротивляюсь. Зато потом какая!..

В общем, мой вклад в бюджет, по большей части, пассив-

ный – не трачусь на то, обхожусь без этого.

А непредвиденные бюджетные доходы это чаще через Сатэник. Она ведь ещё и шьёт на дому. Случается по два платья в месяц, бывает всего одну юбку в два. Пойди тут поучитывай.

Рузанна девушка красивая и рукодельница. Вот только посуду мыть наотрез отказывается, наверно считает это не к лицу для Мисс Арцах-2000.

Ну а запросы – как у всякой взрослой дочери. Порой помогают родственники её биологического отца. Особенно эмигрировавшая в Грецию тётка.

Ашоту переходят одежды от его кузенов постарше, но иногда и мы, конечно, покупаем или Сатэник пошьёт, но и то, и другое и третье он приканчивает одинаково быстро.

Как ни глянешь, всё-то он над книжками, а одежды не напасёшься, будто он в натуре через джунгли всех тех затерянных миров с таинственными островами продирается.

Трёхлетняя естествоиспытательница Эмма подгрызает устои мира: основной инструмент познания у нее – собственные зубы, а когда даёт ему, миру, передышку, начинает разговоры разговаривать:

– А я – чивалек?

– Ну, конечно, человек, милая.

– Я – хороший чивалек! Хочу *цамон керять*²!

---

² *Цамон керять*, на карабахском армянском – “кушать жевательную резинку”

Эмма Аршаковна поддерживает дипломатические отношения с внешним миром в лице соседей и знакомых проходящих мимо подворья, и наводит порядки в доме. Просто диву даёшься: до чего много порядков можно напхать в такой маленький дом. Но позиция Эммы Аршаковны остается непоколебимой – *карог а аркаверь кя*³.

Куры иногда несут яйца. Меня применяют как придаток и движущую силу к лопате и прочему инвентарю на садово-огородных работах.

Так оно и катится, пока не подступит мертвый сезон – ка-никулы. Два, практически, неоплачиваемых месяца. А дети малые, а цены высокие, а телевизор уже и не показывает ничего, но все бубнит, гад, про корзину потребителя.

Короче, я пришел в редакцию газеты и сказал: – *Сезончик-мард эм*⁴, готов писать что прикажете.

Максим Ервандович призадумался, но согласился, хоть и знал на что нарывается...

Но Сатэник и тут меня обскакала, она работу прежде меня нашла...

Много есть между людьми разногласий – политических, эстетических, этнографических, но в одном взгляды всех сходятся. Как вы посмотрите на мороженое в нестерпимый солнцепек?

---

³ *Карог а аркаверь кя*, на карабахском армянском – “а вдруг, да пригодится”

⁴ *Сезончик-мард эм*, на карабахском армянском – “я сезонный рабочий”

А посмотрите вы с вожделием. Мороженое все любят.

В Степанакерте есть два цеха по производству мороженого: один на госмолзаводе, а другой частный, в пригороде Мялы-Бялы.

Начинается жара – открывается сезон и цехам требуются работницы: заполнять, снимать, заливать, фасовать, чтоб на завтра было чем наслаждаться проходим на улицах столицы.

Про молзавод данными не располагаю, а в Мялы-Бялы работа в две смены и 90% рабочей силы – преподавательницы из городских школ.

Хозяину выгода двойная: новым работницам процесс производства недолго приходится объяснять – все с высшим образованием, на лету схватывают; а во-вторых, у преподавателей язык хорошо подвешен, так что в городе теперь, на средне-образовательном уровне, только и разговоров, что про виды да сорта, да про высококачественность мороженого из этого цеха.

За производство одной порции мороженого работнице полагается один драм, а рекламу они производят бесплатно.

Тёща моя сперва категорически была против, ещё бы! – вековые устои Востока в тартарары.

Вторая смена кончается полночь: час ночи, два часа, три часа ночи, а женщина не дома. Потом придёт расскажет про заминку на производственной линии или как забарахлила машина у водителя развозящего вторую смену по домам. Да и не под дверь же подвозит.

Женщина. Одна. В ночном городе. Без надлежащей охраны и должного надзора.

Вот куда завели эти рыночные отношения!

Мало того, что ты от денег отказался и от мяса, и от спиртного — теперь ещё и жену отдай, а сам, проснувшись в час, в два ночи—один в пустой кровати—крутись одиноко да отпихивай из головы всяческую белиберду, что нагло подсовывает эта сволочь — оборзелое воображение.

Не каждый муж такое выдержит. Некоторые запрещают женам заниматься этой подённой, то есть, понощной сезонщиной.

И такая несознательность, между прочим, создает иногда проблемы в процессе производства услаждений для дневных прохожих.

А я так вот скажу, мужики (хоть это касается и до прочих сословий), ежели усомняешься в своей жене, стало быть, ты в себе не уверен, в своих, значит, силах, а при такой неуверенности того и гляди, что и впрямь перестанешь справляться и тогда ей действительно один остается исход — на сторону. А уж такого добра могут найти и поближе, чем в Мялы-Бялы.

К сожалению, у меня нет под рукой точных статистических данных по затронутому вопросу, но, полагаю, элементарный житейский опыт не сочтёт слишком смелым предположение, что процент мужей-рогоносцев окажется одинаковым как среди супругов "домашних" женщин, так и жен-

щин занятых в сфере производства, обслуживания или любой другой "вне-домашней" экономической деятельностью.

Где есть спрос, есть и предложение. Иными словами – *чъюры чампа кыгытни*⁵.

Помните, с чего начинаются сказки "Тысячи и одной ночи"?

Там один, понимаешь, джин, посадил женщину в сундук, на сундук замок навесил и даже дома не оставлял, а повсюду при себе таскал, чтоб, значит, была гарантия, что женщина эта только его и что ни-ни... Ну так что из этого вышло?

Да что я вам – сказки тут нанялся рассказывать? Вы ж не дети малые. Возьмите да перечитайте сами.

А у меня дела поважней найдутся. Вот сейчас выйти надо – засветить лампочку во дворе.

Потом приду и лягу в пустую супружескую постель и засну, если повезет, а к часу—или там к двум—проснусь: дожидаться как затопчут от калитки к двери туфли Сатэник; пленительной, обворожительной, неописуемо прекрасной Сатэник.

Да нет, не моей, конечно же, а просто – женщины, но зато какой женщины!

---

⁵ *Чъюры чампа кыгытни*, на армянском – “вода себе путь проточит”

(1) Гении Живящей Чистоты

Едва лишь в предутренней мгле прочертились волнистые контуры гор окружающих Степанакерт, едва лишь Эос—древняя богиня утренней зари—протянула розовые свои пальчики: потрогать в каком состоянии оставила уходящая ночь небо над городом: совсем чистым, или же в пушинках облачков? – а супруги Драванц Ашот Вартазарович и Асмик Арзумановна уже на ногах.

И в этот рассветный час, когда в городе мирно спят ещё и стар и млад, не одна только эта супружеская пара вкушают уже ранний завтрак при свете приборов искусственного освещения и покидают свои жилища, выходя на улицы нетронутые (пока что) лучами дневного светила.

В гулкую пустынность утренних улиц спящего города выходят также и Арега Хачиковна Акопян, и Элина Асцатуровна Карапетян, и Бягун Герасимовна Арзангулян, и многие другие из 147 гениев по саночистке, значащихся в списках штатного расписания степанакертского Госпредприятия Коммунального Хозяйства.

Но да не вздумается никому усмотреть легкомысленное словоблудие либо иронию (никак тут неуместную) в приложении определения "гений" к вышеперечисленным лицам, а также коллегам их.

Шутки в сторону! Речь идет о материях слишком серьезных и потому термин "гении" употреблен нами не в вульгарно-банальном смысле—странный тип со включенной прической и шизоидным блеском глаз—нет! В данном случае слово взято в его изначальном значении: "гений – охранитель рода".

Именно на это—сохранение жизни рода человеческого в городе Степанакерт—направлены усилия гениев чистоты, когда они, своими насаженными на держак мётлами, проводят саночистку 4 тыс. квадратных метров "делянки" выделенной для каждого из них.

Много или мало: 4 тыс. квадратных метров?

Когда вы прошагаете от Шувва Угла вниз до железной калитки Роддома, знайте: проезжая часть улицы и тротуары по обе стороны этого отрезка как раз и составляют искомую площадь делянки на одного гения чистоты.

Для тех, кто это расстояние промелькивает на автотранспортном средстве, скажем, что своими размерами делянка совпадает со стандартным футбольным полем.

Ну а теперь (заимев количественное представление) – идём дальше.

Сказано: "своими мётлами". Но позвольте, разве Госпредприятие им метел не выдаёт?

Да выдаёт – бывает, что раз в неделю; бывает, что раз в две. Так что особо добросовестным гениям приходится проводить самозаготовку из пышно разрастающейся в летний

сезон полыни.

А что ещё выдает им Госпредприятие?

Единожды в год – халат и две пары рабочих рукавиц на зимний период. А ещё, конечно, зарплату. Шесть с половиной тыс. ежемесячных драм каждому гению, говорит Директор Госпредприятия Коммунального Хозяйства, Балаян Аркадий Айрапетович.

– Шесть тыс. 203 драма,– упорно утверждает одна из гениев.

Ну а мы, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела суверенного Госпредприятия, не станем доискиваться чья цифра точнее. В конце концов, цифры тоже ведь вещь относительная. К примеру, из 147 числящихся в штате саночистителей, по мнению Директора Балаяна, работают, где-то, 120 (при большой текучести кадров трудно говорить определённое).

В чем причина их текучести?

А взвесьте сами трудности данной профессии: не всякий выдержит ранние подъемы, обусловленные жесткими временными рамками – работу на своей делянке ты должен завершить к 7:30 утра, чтоб пешеходам не пришлось глотать саночистительную пыль.

Так что, несмотря на высокую зарплату (час работы подметальщика ценится на тридцать драмов дороже часа работы школьного учителя), на данный момент в Госпредприятии имеются 60 вакансий для желающих стать гением чистоты.

Даже и гениям не обойтись без специализации и разделения труда: если одни из них очищают выделенные им участки, то другие вывозят результаты их труда.

Транспортировка – это уже дело Хозрасчетного Автохозяйства при Госпредприятии, которым руководит Багирян Борис Вартанович – худощавый, подтянутый чёрным поясом мужчина, в усах и трехдневной щетине на лице, в стиле деловых людей Закавказья среднего звена.

И дел хватает, когда для 8 разношерстных автомашин и 2 ветеранов тракторного племени надо раздобыть столь дорогие нынче запчасти и не менее кусачее горючее.

Хочешь жить – умеи вертеться, особенно если у тебя хозрасчетное хозяйство. Хорошо ещё хоть зарплата рабочим идет от Госпредприятия, которому из городского бюджета выделяется 38,7 млн драм и которое из этих денег направляет на саночистку 23,8 млн драм, вкладывая остальные миллионы в озеленение улиц столицы.

Данные государственные средства уходят, как уже говорилось, в основном, на зарплату рабочим саночистки и 9 служащим аппарата управления Госпредприятия Коммунального Хозяйства.

А рабочие рабочим рознь. Если работать метлой и совком могут представители любого пола и неопределенного состояния здоровья, то уже для забрасывания собранного мусора лопатами в кузов самосвала нужна мужская сила и сноровка.

И обладатели этой силы не желают продавать её задешево. Пришлось Директору приложить к положенной им от государства зарплате еще по 5 тыс. драм ежемесячно и сейчас их заработок сравнялся с заработком преподавателя государственного университета – 15 тыс. драм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.